

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 234–246.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2022. Vol. 5, no. 2. P. 234–246.

Рецензия на книгу / Book Review

УДК 008

doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-234-246

ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ СУДЬБЫ

Рецензия на книгу: Светлана Левит. Мир человека, в слове явленный: Бытие человека в культуре. — Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2022. — 624 с. (Серия «Культурология. XX век»)

Валерий Ильич Мильдон

Всероссийский государственный институт
кинематографии имени С. А. Герасимова,
Москва, Россия, vimildon@mtu-net.ru

Ссылка для цитирования: Мильдон В. И. Преднамеренность судьбы // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2022. Т. 5, № 2. С. 234–246. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2022-5-2-234-246>.

Academic Life. Reviews

PREMEDITATION OF FATE

Book review: Svetlana Levit. The World of Man, Revealed in the Word: The Existence of Man in Culture. — Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. — 624 p. (Series “Cultural Studies. XX century”)

Valery I. Mildon

All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov,
Moscow, Russia, vimildon@mtu-net.ru

For citation: Mildon, V.I. (2022) ‘Premeditation of Fate’, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 5(2), pp. 234–246. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2022-5-2-234-246.

© Мильдон В. И., 2022

Эпиграфом к книге выбраны слова К. Леви-Стросса: «XXI век будет веком гуманитарных наук или его не будет вовсе» (с. 19).

Светлана Яковлевна Левит многое сделала для того, чтобы прогноз сбылся, чтобы история человечества не закончилась XX веком.

Сколько бы метафорических смыслов ни содержало утверждение французского мыслителя, в нем есть и прямой: именно в XXI столетии (частично, разумеется, и в XX, и в XIX: историческое движение, о чем бы ни шла речь, не укладывается в границы строгой хронологии) эти науки подтвердили свою абсолютную необходимость, ибо формируют гуманитарное сознание — универсальное явление всемирной культуры. Можно говорить, что она движется в этом направлении, и дальнейшее «воспитание человечества» [Гердер, 1977, с. 6], его умственное и нравственное развитие невозможны без этого сознания, предполагающего отношение к индивидуальности как уникальному явлению органического мира, начиная от первых признаков жизни на Земле.

Об этом сказано давно. Аристотель писал: «От нас зависит, быть нам добрыми или дурными» [Аристотель, 1983, с. 105]¹. Через два с лишним тысячелетия немецкий философ подтвердил: «Как древний мир, в общем, есть мир родовых образований, так мир **новый** есть мир **индивидуумов...**» [Шеллинг, 1966, с. 447].

Эти соображения можно рассматривать как смысловые эпиграфы к рецензируемому труду С. Я. Левит.

В первом разделе («От идеи культуры к науке о культуре») повествуется о многосторонней работе автора как издателя, благодаря энергии которого (объем изданного в течение 30 лет наводит на мысль о нарастающей, а не

¹ Здесь и далее в цитатах полужирным шрифтом выделены слова, подчеркнутые мной. — В. М.

убывающей с каждым годом энергии) отечественный читатель познакомился с книгами западных мыслителей, многие в прежние времена были попросту недоступны даже любознательным умам. Всё это издавалось в нескольких сериях: «Лики культуры» (основана в 1992 году); «Книга света» (1997); «Российские Пропилеи» (1998); «Культурология. XX век» (1999), «Summa culturologiae» и «Humanitas» (обе — 1999); «Зерно вечности» (2000); «Письмена времени» (2004). Кроме того, в ноябре 2013 года организована выставка «Гуманитарное знание: к 20-летию серийных изданий ИНИОН РАН». Выставку сопровождала конференция, материалы которой опубликованы в книге [Гуманитарное знание и вызовы времени, 2014]. Тираж книги уничтожил пожар в ИНИОН, но она доступна в Интернете.

Во втором разделе («Космос культуры: работы разных лет») автор предстает в качестве исследователя, мыслителя. О ком только ею не написано: Державин, Ломоносов, Жуковский, Пушкин, Боратынский, Фет, Блок, А. Белый, Гершензон, Вейдле. В этом перечне, очевидно, преобладают имена поэтов, объяснение чему напрашивается само, если знать, что автор тоже поэт — изданы два поэтических сборника [Левит, 2013; 2018]. Об «Эоловой арфе» П. С. Гуревич написал, что С. Левит «стенографировала роптания сердца. В книге нет взрывов страсти, мятежности, трагических ситуаций. Но есть акварельная картина мира, в которой присутствует всё — любовь и расставание, стук судьбы в дверь, мир горних звуков, соловьиные песни и клёкот птиц» [Гуревич, 2013]. А в рецензии на второй сборник С. С. Ступин добавил: «Эрудиция профессионального культуролога не диссонирует с опытом чувства поэта» [Ступин, 2019]. Ну а увлечения польскими поэтами — К. Галчинским, Я. Ивашкевичем, Ю. Тувимом; переводы одного из классиков польской поэзии Л. Стаффа? Однажды я позвонил С. Я. Левит и сказал, что еду в Краков, и она радостно прочитала мне по-польски несколько строк Л. Стаффа, может быть потому, что некоторое время тот жил в Кракове. Спрашивается: как в одном лице непротиворечиво уживаются разные облики: организатора культурных сил, исследователя, мыслителя, поэта? Самый полный ответ: уживаются! Но это не всё. Она увлекалась вокалом, пела старинные русские романсы, после окончания музыкальной школы собралась в музыкальное училище на отделение хорового дирижирования. Ее учителя музыки Э. С. Смирнова и Л. Я. Кириллова частенько, как вспоминала С. Я. Левит, говаривали: «Не знаем, кем ты будешь, но ты человек искусства» — нечаянный парадокс строчек платоновского «Пира»: «...Из всех видов творчества выделена одна область — область музыки и стихотворных размеров, к которой и принято относить наименование “творчества”. Творчеством зовется только она, а творцами-поэтами только те, кто ей причастен» [Платон, 1990–1994, т. 2, с. 154, 153].

Похоже, так и произошло, эстетика (занятая изучением художественного творчества, и, не исключено, вмещалась музыка) привела ее на философский факультет МГУ, там она увлеклась философией культуры и впоследствии создала энциклопедии — «Культурология. XX век» (1998), «Культурология: Энциклопедия» (2007), «Summa culturologiae. Энциклопедия»: в 4 т (2021).

В статье «О видимой преднамеренности в судьбе отдельного лица» А. Шопенгауэр писал, что мужчины и женщины, предназначенные друг другу, безошибочно угадывают это предназначение; такие пары, как правило, не расходятся до конца дней. Если же один из супругов умирает, оставшийся хранит ему верность, мотивируя, по обыкновению, стандартно: он (или она) по-прежнему со мной. Конечно, оба «не заимствуют» один у другого родственные психические структуры, речь идет о совпадающих душевных типах, о некоем «избирательном сродстве» — обо всем том, чего заранее никто не может предугадать. Шопенгауэр называет такое положение «доказуемым фатализмом» [Шопенгауэр, 1910, с. 178].

Этим «фатализмом» определена жизнь и автора этой книги, ибо эстетика, заманившая С. Я. Левит на философский факультет, читалась, как это видно из предлежащего труда, в сочинении ею стихов, увлечениях вокалом, поэтическими переводами, мыслях о дирижировании, изучении философской мысли Запада и России. Как в юности и молодости она стремилась к организации звуков, так в зрелости всё же стала «дирижером» — организатором, главным редактором и автором совершенно новых в отечественной интеллектуальной жизни упомянутых выше тематических серий и проектов.

Итак, второй раздел «Космос культуры» открывает статья, посвященная 150-летию со дня рождения М. О. Гершензона. И хотя этому имени возвращена прежняя, а теперь, может быть, и бóльшая известность, сказанное автором не кажется повторением. Действительно, он принадлежит к тем, кто заложил основы отечественной культурологии (Вяч. Иванов, А. Белый, Г. Федотов, Ф. Степун, Г. Флоровский — разумеется, неполный перечень). Именно это обстоятельство в деятельности своего героя кажется (и справедливо) автору первостепенным, в особенности для современного состояния отечественной науки о культуре как явлении, а не узкопрофессиональном занятии: «...История духовной жизни нашего общества, по мысли М. О. Гершензона, находится на низком уровне: “Всё свалено в кучу — поэзия и политика, творческие умы и масса, мысль и чувство, слово и дело”. Объяснение этому он находит в том, что историки изучают общество как некую абстракцию, тогда как “общество не ищет, не мыслит, не страдает; страдают и мыслят только отдельные люди”» (с. 437).

Г. Флоровский был прав, называя Гершензона мастером *индивидуального анализа*, то есть жизни отдельных людей. К этому наблюдению я добавил бы: именно благодаря такому анализу общество перестает быть абстракцией и приобретает конкретный вид, сохраняющий значение до сих пор в качестве исторического источника, а не только свода биографических материалов индивидуальных жизней, как и произошло с книгами Гершензона о П. Я. Чаадаеве и В. С. Печерине: перед сегодняшним читателем предстало не только русское общество XIX столетия, но угадываются и черты нынешней жизни. И произошло это благодаря индивидуальному анализу, включающему детали повседневности. К слову сказать, так построил В. Ф. Ходасевич мемуарный очерк о самом Гершензоне, воспроизведя такие черты его личного быта, что в них просвечивает время конца 1910-х — начала 1920-х годов.

С. Левит не оставила в стороне известное эссе 1920 года «Переписка из двух углов» между М. Гершензоном и Вяч. Ивановым — свидетельство настроений «отечественной интеллигенции в годы духовного кризиса». «В переписке <...> ощущается охваченность авторов интересами переживаемой ими эпохи великих потрясений, не только политических и экономических, но и духовных, отмеченных кризисом <...> культуры» (с. 443).

Содержание этого текста столетней давности всё еще тревожит умы никуда не девшимся сознанием кризиса культуры. Из него Вяч. Иванов предложил выход: «Есть в ней [культуре] нечто воистину священное: она есть память не только о земном и внешнем виде отцов, но и о достигнутых ими посвящениях. Живая, вечная память, не умирающая в тех, кто приобщается к этим посвящениям» [Иванов, 1994, с. 121].

«Живая память не только о земном и внешнем виде отцов» всегда поддерживает интерес к проблемам культуры, в каком бы положении та ни находилась. Другой поддержки нет, вся надежда лишь на культуру: она одна устойчива, что бы ни происходило в мире, пока он существует. Именно в таком духе отвечает Вяч. Иванов отчаявшемуся М. Гершензону: «Ты, который мечтал освободиться от философских систем, знаний, искусства, ты вернулся ко всему этому и так же прочно держишься этого, как и я...» (с. 445).

Отдельные страницы статьи о Гершензоне С. Я. Левит отводит его статьям о творчестве Пушкина и Лермонтова, прежде всего, конечно, Пушкина. «Гершензон формулирует *имманентную философию* Пушкина» (с. 454), вскрыв «неосознанные усмотрения, которыми определяется характер его идей, окутанных художественной плотью» (там же).

Именно неосознанными усмотрениями и занимается исследователь, после чего они осознаются и переходят в разряд аксиоматических.

«Идеи Гершензона казались современникам <...> произвольными, искусственными, пораженными субъективистским психологизмом, но в свете современных научных поисков, позволивших обнаружить архаические, мифологические пласты в литературе Нового времени, его мысли становятся во многом актуальными» (с. 457).

Этому наблюдению автора нечего возразить, остается лишь прибавить: архаические пласты обнаружены не только в литературе, но в психологии, в поведении людей, а это, вне всякого сомнения, изменило прежние представления о самом феномене человека. Мы теперь знаем, что он бесконечен, пока жизнь вдохновляет его; что над всеми его антропологическими признаками господствует вдохновение. Пушкин так и сказал: «Мы рождены для вдохновения...» Сказано, конечно, о поэте (стихотворение «Поэт и толпа»), но человек и есть поэт, иначе он — одна из многочисленных животных разновидностей, и этому знанию о человеке мы обязаны именно гуманитарным наукам.

В статье «А. М. Кузнецов и “Умозрение в звуках” М. В. Юдиной» С. Левит пишет о 8-томном издании литературного наследия М. В. Юдиной — «крупнейшего музыканта и мыслителя XX века» (с. 469).

Слов нет, выдающееся издание, и его инициатор, А. М. Кузнецов, оставил по себе незабываемую память не только потому, что еще живы посетители ее концертов, — ее письма, по его мнению, могут быть отнесены «к литературным памятникам минувшей эпохи» (с. 470), поскольку «собрано, откомментировано <...> всё литературное наследие» (с. 478) выдающегося музыканта и педагога.

«В последнем разговоре со мной, — заканчивает статью С. Я. Левит, — он [А. М. Кузнецов] поделился радостью — перечитал “Улисса” Джойса, пронизанного неоренессансной идеей абсолютного превосходства человека по сравнению с обществом. И советовал мне последовать его примеру» (с. 478).

В течение всех тридцати лет титанической (другого слова не подберешь) работы по развитию гуманитарного сознания соотечественников упомянутое «превосходство человека» было фундаментом этого сознания и ее деятельности.

Вернусь к статье Шопенгауэра. Обнаруженная им преднамеренность судьбы предполагает совпадения в жизнях незнакомых прежде людей, о чем те с изумлением узнают, сблизившись и рассказывая один другому о своей жизни. Но есть и другой тип преднамеренности — невольно избираемый из многих вариантов путь в жизни. Сам человек об этом может не догадываться, но оглядывая прожитое, убеждается, что к этой жизни он был предназначен. Подобный «автобиографизм» читается в занятиях С. Я. Левит культурологией, о

чем она, пока не взялась за этот предмет, едва ли задумывалась. С этой точки зрения пафос внутренней жизни автора, недоступный наблюдателю извне, может прочитываться не только в ее стихах или в изданных ею трудах западноевропейских мыслителей, но и в ее собственных исследованиях.

Об этом, в частности, свидетельствует анализ творчества М. В. Ломоносова и Г. Р. Державина как первых русских философских лириков. На мой взгляд, следовало только сказать об их отличиях. Лирика Ломоносова несет явные признаки церковной проповеди (что было унаследовано Гоголем в его «Выбранных местах из переписки с друзьями» и осталось незамеченным В. Г. Белинским в его знаменитом «Письме к Гоголю»).

Совсем иное — Державин, ближайший предшественник Пушкина, который пользуется некоторыми строчками из его стихов: «Скользим мы бездны на краю» (Державин) — «И бездны мрачной на краю» (Пушкин). Державин первым в нашей лирике изобразил переживание человеком смерти как психологический аналог космологическому процессу: «И звезды ею сокрушатся, / И солнца ею потушатся, / И всем мирам грозит она». Он же сказал о Боге: «Я есмь, конечно, есть и Ты!» А ведь это значит, что без меня нет и Тебя, Державин же добавил: «Я связь миров повсюду сущих, / Я крайня степень вещества, / Я средоточие живущих...».

«Я» — главный герой его лирики, и не будет преувеличением сказать, что им начата традиция «я» в нашей литературе, «абсолютного превосходства человека по сравнению с обществом», как сказано выше, и в этом я нахожу внутренний пафос самой С. Я. Левит, «доказуемый фатализм», по словам Шопенгауэра, ее судьбы. Она была предназначена к тому, что составило смысл и назначение ее жизни, о чем узнала, окунувшись в эту деятельность.

Сказав, что исследователь не упомянула разницы между Ломоносовым и Державиным, я не упрекнул автора: мое замечание вызвано его рассуждениями, побудившими сравнить поэтов, и неизвестно, пришло бы на ум такое сопоставление без упомянутых замечаний С. Я. Левит.

То же могу заметить о ее рецензии на статью С. Франка о Тютчеве, сразу оговорив согласие с наблюдениями рецензента, — не упомянута лирика Н. Заболоцкого, имя которого не однажды появляется на страницах обзреваемой книги, ибо он, несомненно, ближайший Тютчеву русский лирик минувшего столетия (кстати, так выразился К. Чуковский в одном из писем поэту: «Пишу Вам с той почтительной робостью, с какой писал бы Тютчеву или Державину»)². К тому же сама рецензент пишет: «Природа для Тютчева — ком-

² Из вступительной статьи Никиты Заболоцкого к сборнику [Заболоцкий, 1989, с. 9].

плекс живых сил, страстей, чувств; в ней есть любовь, свобода, душа, “в ней есть язык”» (с. 495).

Сказанные о Тютчеве слова целиком применимы к лирике Заболоцкого, достаточно процитировать: «Читайте, деревья, стихи Гезиода!» А стихотворение Тютчева «О чем ты воешь, ветер ночной <...> Понятным сердцу языком / Твердишь о непонятной муке...» близко натурфилософскому трагизму строчек из «Начала зимы» Заболоцкого: «Я наблюдал, как речка умирала <...> И если знаешь ты, / Как смотрят люди в день своей кончины, / Ты взгляд реки поймешь...»

Когда говорят о поэтике художественного произведения, то, кажется, предмет настолько очевиден, что стоит сказать «поэтика», сразу ясно, о чем идет речь. С. Я. Левит пользуется этим общераспространенным понятием в статье о поэтике В. А. Жуковского, но вводит еще одно значение, мало, а то и вовсе не распространенное, — «поэтика творчества», предполагающее законы творчества как процесса, не подконтрольного поэту-творцу, не осознаваемому им, хотя и переживаемому как вдохновение. Так и говорил Платон о поэтах в диалоге «Ион»: «<...> Бог отнимает у них рассудок и делает их своими слугами, божественными вещателями и пророками, чтобы мы, слушая их, знали, что не они <...> говорят столь драгоценные слова, а говорит сам бог и через них подает нам свой голос» [Платон, 1990–1994, т. 1, с. 377].

У каждого поэта это происходит по-своему, и всё же непреложное правило гласит: в творчестве творец не может служить ничему, даже самому себе. Оно не в его власти, иначе он перестает быть творцом. Как раз это имел в виду А. Фет: «...Не знаю сам, что буду петь, / Но только песня зреет!»

Так понимает это явление и С. Я. Левит, цитируя слова Руссо, упоминаемые Жуковским в одном из писем: «...il n’y a de beau que ce qui n’est pas [прекрасно лишь то, что не существует]; это не значит: *только то, что не существует*; прекрасное существует, но его *нет*, ибо оно <...> является нам единственно для того, чтобы исчезнуть; чтоб <...> оживить и обновить душу — но его ни удержать, ни разглядеть, ни постигнуть мы не можем...» (с. 512).

Под руками Жуковского, комментирует С. Я. Левит, «возникает новый поэтический язык и особая *романтическая философия*, связанная с идеей двоемирия, в противовес реальности...» (с. 514).

Возразить нечего, идея двоемирия родилась едва ли не вместе с человеком, и потому его творение в Книге Бытия описано дважды: «И сотворил Бог человека **по образу Своему** <...>» (Быт. 1:27); «И создал Господь Бог человека **из праха земного** <...>» (Быт. 2:7).

Романтическое действительно противостоит реальности. Исследователь права. Но это реальность «праха», извечная философия, возникшая вместе с че-

В. К. Кантор, Г. Э. Великовская, С. Я. Левит, В. И. Мильдон, П. В. Соснов

ловеком, и «романтизм» — столь же извечное гуманитарное мировоззрение, как бы ни менялись исторические эпохи. А. А. Бестужев-Марлинский в рецензии (1833) на роман Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» заметил: «Надобно сказать однажды навсегда, что под именем романтизма разумею я стремление бесконечного духа человеческого выразиться в конечных формах. А потому я считаю его ровесником души человеческой...» [Бестужев, 1991, с. 137].

Сен-Жон Перс «повторил» слова русского писателя в ответном слове после вручения ему Нобелевской премии по литературе в 1960 году: «Поэт жил в человеке пещерном, он остается жить и в человеке атомного века, ибо он неотъемлем от самого человека <...> Когда рушатся мифологии, божественное находит в поэзии прибежище, а может быть, и грядущее пристанище» [Перс, 1996, с. 251].

Да, «поэт» — синоним «человека», его неотъемлемый признак, и преобладающая антропологическая черта. Он один не помещается в пределы бесконечного физического мира, и до сих пор нет убедительных аргументов, подтверждающих, как из мира органической природы возник человек, переставший «находиться под влиянием естественного подбора в том, что касается его физической природы <...>. Среда, его окружающая, утратила уже над ним ту могущественную власть, которую мы признаем над всем остальным органическим миром». Он — «существо **новое и совершенно особое**, не подчиняющееся великому закону, тяготеющему неотразимо над всеми остальными органическими существами» [Уоллес, 1878, с. 344, 354].

С. Я. Левит и В. К. Кантор. Институт научной информации
по общественным наукам РАН. 2013

Попутно замечу: В. Гумбольдт согласен, что анатомически человек мало отличается от обезьяны, но он владеет членораздельной речью, а это — пропасть между ним и природой. Через сто лет эти наблюдения подтвердил французский антрополог, рассуждая, как возникла на Земле жизнь, «органическое из химического, живое из предживого»: «Подобную метаморфозу не объяснить простым непрерывным процессом. К этому особенному моменту земной эволюции следует отнести созревание, **перелом, рубеж, кризис** крупнейшего масштаба — **начало нового ряда...**» [Тейяр де Шарден, 1987, с. 72].

Приведенные высказывания можно рассматривать сжатым изложением романтизма в качестве мировоззрения, а не только и не столько как одного из художественных течений. Рецензируемый труд — еще одно свидетельство такой возможности.

Сколько бы высокопарным ни показалось нижеследующее, но вся 30-летняя деятельность С. Я. Левит безоговорочно подтверждает: «божественное», упомянутое французским поэтом, никуда не делось и не денется, пока существует белый свет. Одна из серий, ею основанных, названа «Книга Света», и доброжелатели автора удачно переименовали серию в «Книги Светы» (с. 12). Действительно, эти книги — «свет, разлитый Светой» над соотечественниками; помогающий им осознать и укрепиться в сознании, что человек — индивидуальное, а не коллективное существо и что — повторю слова Фомы Аквинского — «первая причина нехватки благодати **от нас самих**» [Фома Аквинский, 2012, с. 634].

Наконец, последнее: «В России в начале [XX] века был настоящий культурный ренессанс. Только жившие в это время знают, какой творческий подъем был у нас пережит, какое веяние духа охватило русские души» [Бердяев, Русская идея, 1990, с. 237]. И мыслитель был прав, когда целую главу автобиографической книги так и назвал: «Русский культурный ренессанс XX века»: «Эта пора была одной из самых утонченных эпох в истории русской культуры» [Бердяев, Самопознание, 1990, с. 153].

Начало XXI века будущий историк так не назовет, однако, вне всякого сомнения, в качестве одного из ярких признаков этого времени отметит «книги Светы»: не всё потеряно, и нельзя исключать нового творческого подъема.

Список источников

Аристотель. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

Бердяев Н. Русская идея // О России и русской философской культуре. М.: Наука, 1990. С. 43–271.

Бердяев Н. Самопознание. М.: СП «ДЭМ»; Международные отношения, 1990. 334 с.

Бестужев А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при Гробе Господнем» // Декабристы. Эстетика и критика / сост. и примеч. Л. Г. Фризмана. М.: Искусство, 1991. С. 133–187.

Гердер И. Идеи к философии истории человечества / пер. и примеч. А. В. Михайлова. М.: Наука, 1977. 703 с.

Гуманитарное знание и вызовы времени / ред. и сост. С. Я. Левит. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 480 с. (Университетская книга).

Гуревич П. С. Музыка надзвездная // Филология: научные исследования. М., 2013. № 3. С. 283–288.

Заболоцкий Н. Столбцы и поэмы. Стихотворения. М.: Художественная литература, 1989. 352 с.

Иванов В. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 427 с.

Левит С. Сад нездешних песнопений: [стихотворения]. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 160 с.

Левит С. Эолова арфа: [стихотворения]. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 128 с.

Перс Сен-Жон. Избранное. М.: Русский путь, 1996. 256 с.

Платон. Собрание сочинений в четырех томах. М.: Мысль, 1990–1994. 4 т.

Ступин С. «Я чувствую, значит, я существую». Рец. на книгу: Левит С. Сад нездешних песнопений // Кольцо А. 2019. № 118 (Журнал Союза писателей).

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987. 239 с.

Уоллес А. Р. Естественный подбор. СПб.: Тип. Ф. Сущинского, 1878. XVI, 508, VI с.

Фома Аквинский. Сумма теологии / пер. с лат. под ред. Н. Лобковица, А. В. Аполлонова. М.: Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2012. Т. IV: Первая часть второй части. Вопросы 68–114. 688 с.

Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966. 496 с.

Шопенгауэр А. Полное собрание сочинений: в 4 т. / в пер. и под ред. Ю. И. Айхенвальда. М.: Изд. Д. П. Ефимова; Тип. Вильде, 1910. Т. III.

References

Aristotel' (1983) *Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh. Tom 4* [Collected Works in four vols. Vol. 4]. Moscow: Mysl'.

Berdyayev, N. (1990) 'Russkaya ideya' ['Russian Idea'], in *O Rossii i russkoi filosofskoi kul'ture* [About Russia and Russian Philosophical Culture]. Moscow: Nauka, pp. 43–271.

Berdyayev, N. (1990) *Samopoznanie* [Self-Knowledge]. Moscow: SP "DEM"; Mezhdunarodnye otnosheniya.

Bestuzhev, A.A. (1991) 'O romane N. Polevogo "Klyatva pri Grobe Gospodnem"' ['About the Novel by N. Polevoy "The Oath at the Holy Sepulcher"'], in *Dekabristy. Estetika i kritika* [Decembrists. Aesthetics and Criticism]. Compilation and notes by L.G. Frizman. Moscow: Iskusstvo, pp. 133–187.

Foma, Akvinskii (2012) *Summa teologii. Tom IV: Pervaya chast' vtoroi chasti. Voprosy 68–114* [Sum of Theology. Vol. IV: The First Part of the Second Part. Questions 68–114]. Transl. from the Latin, ed. by N. Lobkovits, A.V. Apollonov. Moscow: Knizhnyi dom LIBROKOM.

Gurevich, P.S. (2013) 'Muzyka nadzvezdnaya' ['Music is Stellar'], *Filologiya: nauchnye issledovaniya* [Philology: Scientific Research], 3, pp. 283–288.

Herder, I. (1977) *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas for the Philosophy of the History of Mankind]. Transl. and notes by A.V. Mikhailov. Moscow: Nauka.

Ivanov, V. (1994) *Rodnoe i vselenskoe* [Native and Universal]. Moscow: Respublika.

Levit, S. (2013) *Eolova arfa: [stikhotvoreniya]* [Aeolian Harp: [Poems]]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].

Levit, S. (2018) *Sad nezdesnikh pesnopenii: [stikhotvoreniya]* [The Garden of Unearthly Songs: [Poems]]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives].

Levit, S.Ya. (ed.) (2014) *Gumanitarnoe znanie i vyzovy vremeni* [Humanitarian Knowledge and Challenges of the Time]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitar-

nykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives]. (Universitetskaya kniga [University Book]).

Perse, Saint-John (1996) *Izbrannoe* [Selected]. Moscow: Russkii put'.

Platon (1990–1994) *Sobranie sochinenii v chetyrekh tomakh* [Collected Works in four vols] (4 vols). Moscow: Mysl'.

Schelling, F. (1966) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of Art]. Moscow: Mysl'.

Schopenhauer, A. (1910) *Polnoe sobranie sochinenii: v 4 tomakh. Tom III* [Complete Works: in 4 vols. Vol. III]. Translated and edited by Yu.I. Aikhenval'd. Moscow: Izd. D.P. Efimova; Tip. Vil'de.

Stupin, S. (2019) “Ya chuvstvuyu, znachit, ya sushchestvuyu”. Retsenziya na knigu: Levit S. Sad nezdesnykh pesnopenii' [“I feel, therefore I exist.” Book Review: Levit, S. The Garden of Unearthly Chants'], *Kol'tso A* [Ring A], 118. (Zhurnal Soyuz pisatelei [Journal of the Union of Writers]).

Teilhard de Chardin, P. (1987) *Fenomen cheloveka* [The Phenomenon of Man]. Moscow: Nauka.

Wallace, A.R. (1878) *Estestvennyi podbor* [Natural Selection]. St. Petersburg: Tip. F. Sushchinskago.

Zabolotskii, N. (1989) *Stolbtsy i poemy. Stikhotvoreniya* [Columns and Poems. Poems]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.

Информация об авторе: В. И. Мильдон — доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного института кинематографии имени С. А. Герасимова (ВГИК). Адрес: Российская Федерация, 129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 3.

Information about the author: V. I. Mildon — DSc in Philology, Professor at the Department of Aesthetics, History and Theory of Culture, All-Russian State Institute of Cinematography named after S. A. Gerasimov. Address: 3 Wilhelm Pick Str., Moscow, 129226, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.05.2022;
принята к публикации 05.06.2022.

The article was submitted 29.05.2022;
accepted for publication 05.06.2022.